

Песнь первая

И когда пятнадцатилетняя Таина Флорес забеременела, она сказала: может быть, какой-нибудь ángel проник в подъезд. Поднялся на лифте. Вышел на ее этаже. Покинул свое тело и туманом просочился под дверь ее комнаты. Старейшины в Зале Царства Свидетелей Иеговы подвергли допросу мать Таины, сестру Флорес, и та поклялась, что Таина никогда не знала мужчины. Что она, сестра Флорес, всегда учила свою дочь: «Si es macho, ruede»¹. Сестра Флорес, по ее словам, столь внимательно присматривала за дочерью, что уверена: Таина даже не мастурбирует. Ее ответ вызвал у старейшин неловкость. Они заерзали на стульях. Мастурбация, конечно, грех, но не причина беременности. Старейшины принялись выспрашивать о месячных Таины: бывает ли у нее обычное женское часто, с задержкой или по-разному? Какие средства она использует? Те, которые впитывают, или те, что формой походят на мужской орган? К тому времени у Таины словно кончился воздух, и на вопросы отвечала ее мать.

Судбище продолжалось несколько недель. Каждое воскресенье, после службы, старейшины призывали обеих женщин в холодную комнату. Паства, хоть и смущенная, посмеивалась у них за спиной; сестра Флорес отстаивала историю своей дочери. Старейшины предложили сводить Таину в больницу, засвидетельствовать, что она не девственница. Но Таина и сестра Флорес отказывались, отказывались снова и снова. «Dios sabe², — клялась сестра Флорес. — Я сказала правду».

¹ Мужчина — может (*исп.*). Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

² Бог свидетель (*исп.*).

Наконец старейшины выгнали обеих из Свидетелей: сестра Флорес не оставила им выбора.

Обе женщины, показываясь впоследствии на улицах Испанского Гарлема, являли собой странное зрелище, потому что мало говорили — что друг с другом, что с кем-нибудь еще. Они шагали по улице, взявшись за руки, мать крепко держала дочь; выходили они только по необходимости: в супермаркет или за социальным пособием. Бывали места, где две эти женщины не показывались: кинотеатр, салон красоты, пекарня. Они жили во вселенной, состоявшей из них двоих, и казалось, что даже толпа не сможет вывести их из равновесия. Ни улюлюканье шпаны в адрес Таины: «Mira, ¿to' eso tuyo?»¹ Ни сплетни женщин в прачечной самообслуживания, жала которых были направлены на донью Флорес: «Perras cuidan a sus hijas mejor que esa»².

В школе Таина сидела одна, почти затерявшись среди прочих подростков. Ее не заботили ни одежда, ни косметика, ни популярность. Подобно своей матери, она улыбалась, когда кто-нибудь улыбался ей, но не отвечала, словно именно улыбка ее говорила: «Таина тебе не враг, но в дружбе твоей не нуждается». Таина нравилась мальчикам, они влюблялись в нее, но быстро теряли интерес, потому что Таина смотрела или в стенку, или в никуда, словно человека, заговорившего с ней, не существует вовсе. Мальчики считали ее высокомерной. Знала ли она, что красива? Трудно понять, красив ты или нет. Я спрашивал себя, чего еще Таина не знает. Может быть, она не знает, что ее голос — это дар? Я слышал, что Таина красиво поет. Что школьный

¹ Это все твое? (*исп.*)

² Собаки о своих дочерях лучше заботятся (*исп.*).

хор держится на ней. Что когда она запеваает соло, всех пробирает дрожь. Ее голос был самой сутью музыки. Он начинался жалобным, словно младенческим, плачем. Потом приходило рыдание, голос менялся, он просачивался тебе под кожу и, как поток воды, смывал твою боль. Когда она поет, говорила мисс Кэхилл, учительница физики, видишь тех, кого любишь, и тех, кто любит тебя. Люди чувствуют своих возлюбленных, обоняют их. По ее словам, голос Таины пропитывает одежду и держится неделями, сколько ни стирай свои вещи, сколько мыла ни изводи. Ее голос впитывался в каждый волосок на голове слушателя; и волосы по многу дней пахли ее пением, словно сигаретным дымом. Одна чернокожая девушка в тот день заплакала и сказала Таине: «Ты воспламенила все вокруг. Ты пела, словно в церкви». Вот что говорили про пение Таины. И вот чего я хотел. Я хотел услышать этот звук, этот голос, хотел услышать любовь. Звук, которого люди ждут всю свою жизнь. Я хотел увидеть того, кто любит меня. Но все пошло прахом. Таина как-то пришла на урок биологии — я тоже там был, — но не пела. Она произнесла одно-единственное слово: «голубь». Слово прозвучало жестко, словно ее язык не знал сладостей, а выговор сочился испанским, будто Таина всего несколько дней как прибыла в Соединенные Штаты.

Стыд.

Говорили, что именно bochorno¹ заставил Таину и ее мать вести себя по-монашески, проводя жизнь взаперти, словно на них наложили епитимью. Говорили: какой позор, весь квартал знает, из-за чего Таина перестала петь. Тот самый позор, с которым две эти одиноко живущие женщины боялись встретиться

¹ Стыд (*исп.*).

лицом к лицу и потому закрывали дверь перед всеми и перед всем. Говорили, что донья Флорес оказалась отвратительной матерью. Говорили, что донье Флорес надо было думать головой. Что еще когда Таина Флорес была ребенком, всем, у кого есть дети, делалось ясно: она вырастет красавицей и начнутся проблемы. А когда глаза Таины стали искриться, как озера в Центральном парке, и груди ее перестали быть тем, над чем мальчишки смеются, и стали тем, что они жаждут сжимать в темноте, — тогда ожидаемая катастрофа и произошла. Красивую девушку вроде Таины следует держать под замком, к тому же донья Флорес не понаслышке знает о мужчинах, что подстерегают одиноко гуляющих девушек в пустых лифтах.

Произошла, по всеобщему заключению, трагедия. Школа направила психологов в квартиру 2Б в доме номер 514 на углу 100-й Восточной улицы и Первой авеню. Донья Флорес не открыла им дверь. Несколько раз приходили из уголовного розыска, желая добиться заявления о преступлении. Донья Флорес не открыла дверь. К ней стучались соцработники. Донья Флорес не открыла дверь. Вскоре нежелательные визиты прекратились, и донья Флорес забрала Таину из школы. В личное дело Таины не лег ни один документ. Ее забрали даже не под предлогом перевода на домашнее обучение. Таина в один прекрасный день просто перестала посещать школу.

Теперь на улицах появлялась только донья Флорес: она или тащила продукты, или направлялась в «Чек-О-Мейт» обналчивать социалку. Сплетни утратили свежесть, Испанский Гарлем нашел новый предмет для пересудов. Все стали относиться к двум женщинам так, как им того хотелось: их оставили в покое.

Единственным человеком, которому донья Флорес на моих глазах открывала дверь, был один очень-очень высокий старик. Росту в нем было около семи футов, и он носил блестящую черную накидку на красной подкладке, какие когда-то носили медсестры. Большерукий, старый... Думаю, ему было под семьдесят, но глаза у него иногда вспыхивали, как светляки. В нашем квартале его прозвали Вехиганте, как долговязого пуэрто-риканского дьявола, но никто о нем ничего не знал. Вехиганте просто в один прекрасный день появился в Испанском Гарлеме из ниоткуда, словно он долгие годы пролежал в ящике стола. В первый раз его заметили за год до случая с Таиной, на параде в честь Дня Пуэрто-Рико, в костюме vejigante, а вскоре он и поселился в Эль Баррио¹. Подобно Таине и ее матери, он ни с кем не общался и выбирался на улицу только по ночам.

Я много раз приходил к двери квартиры, где жила Таина. Я жил в том же доме, на десятом этаже. Спускался на лифте и выходил на втором. И когда я выходил из лифта, сердце мое пускалось вскачь, словно я намеревался потревожить дитя, которое не следовало будить. На ватных ногах я подходил к квартире 2Б и прикладывал ухо к двери. Я не слышал ничего, кроме абсолютной тишины, словно квартира стояла пустой в ожидании жильцов, которые вот-вот снимут ее. Однажды, когда я стоял, прижав ухо к двери, меня застучала соседка из 2А. Она сказала, что тоже так делала и что я ничего не услышу. Что из-под двери 2Б не просачивается ни звука, словно там не живут даже мертвые, потому что даже мертвые, сказала она, иногда шумят.

Но я продолжал приходить, потому что был уверен: с Таиной будет как в Библии. Я словно воочию видел,

¹ Испанский (Восточный) Гарлем.

как люди со всего мира совершают паломничество в Испанский Гарлем ради возможности, только лишь возможности одним глазком взглянуть на беременную девственницу, проживающую в трущобной высотке на Ист-Ривер. Они станут прикладывать ухо к двери квартиры 2Б, совсем как я, и если посчастливится, то им будет явлена милость услышать легкий вздох, исходящий из священных легких Таины. Я верил, что все будет именно так. История Таины разошлась по Эль Баррио. Многие пожимали плечами, многие смеялись, никто не верил, но я знал точно: пройдет время и 2Б, и дом номер 514 на 100-й улице станут известны как место, давшее приют живой святой.

Но этого не произошло.

Обитатели Испанского Гарлема продолжали верить в блудный позор, в постигшую Таину трагедию. Причиной тому был, видимо, мужчина, чьи изображения когда-то покрывали стены почты на Хелл-Гейт¹ на углу 110-й улицы и Лексингтон-авеню. Этот мужчина одно время ошивался у нас в районе на распродажах, где девушки покупали туфли. Он увязывался следом за одинокими девушками, шел за ними до самого дома. А потом напал с ножом, вопрошая: «Что дашь в обмен на жизнь?» Этот человек сеял беды по всему району, и многие считали его отцом ребенка Таины.

Только не я. Я верил Таине.

Я верил в Таину. И когда мужчину, на которого многие указывали как на отца ее ребенка, отправили в тюрьму, я взял деньги, которые мать дала мне на новые джинсы и кеды, сел на поезд «Метро-Норт» и поехал в Оссининг. Имя мужчины я знал из статьи в «Эль Диарио». Я никогда еще не бывал в тюрьме и наивно

¹ Пролив в Нью-Йорке.

полагал, что раз я знаю имя, то смогу просто явиться в тюрьму, как в больницу, сказать, что пришел проведать Орландо Кастильо, и меня пропустят. Охранник объяснил, что я должен быть в сопровождении взрослого родственника Орландо Кастильо. И что приходить я могу, только когда этому заключенному свидание положено по расписанию. Я сказал, что хочу задать Кастильо всего один вопрос, это недолго, но у охранника не было на меня времени. Множество семей выстроились в очередь, чтобы подписать бумаги и сесть в автобус, который отвезет их к тюремным корпусам. Охранник велел мне убираться, иначе он выкинет меня пинком под зад, шантрапу эдакую.

Я ушел злой, потому что поездка вышла длинная и дорогая — поезд, потом автобус, а главное, я так и не получил ответа на свой вопрос: «Бывал ли ты когда-нибудь в квартире 2Б в доме номер 514 на Первой авеню? В трущобной высотке в Испанском Гарлеме на берегу Ист-Ривер? Девушка лет пятнадцати, глаза карие?» Я был уверен, что тот человек скажет «нет», а еще вернее того — солжет, скажет, что не помнит.

Я начал задаваться вопросом, почему я испытываю такой интерес к Таине. Почему я не могу ни спать, ни есть, а верить могу лишь в то, что Таина зачала ребенка сама в себе. Была ли моя вера в ее девственность своеобразным стремлением удержать Таину? Конечно, я был влюблен в нее. Но что-то во мне, семнадцатилетнем, говорило, что мой интерес к Таине есть нечто большее, чем просто любовная горячка; он больше похож на грусть, которую вызывают беспризорные дети, книги или цветы. Грусть, похожую на софу¹, которому велели молчать; а я хотел, чтобы Таина пела.

¹ Коки, древесная лягушка (*исп.*).

В школе надо мной все смеялись, особенно Марио Де Пума. Мы с ним столкнулись в столовой, и он хлопнул меня по спине.

— Тебе семнадцать? И ты все еще не знаешь, откуда берутся дети? Ну и псих.

Конечно, я все знал, но Марио был здоровый, в драке я бы его не одолел.

— Произошло чудо, — сказал я.

Марио с гоготом взял с моего подноса мороженое.

— Единственная девственница здесь — это ты.

Остальные мальчишки отвернулись, радуясь, что Марио цепляется не к ним.

Я, хоть и был девственником, отвечал, что секс тут ни при чем.

— Ты что, был там? — Мороженое мешало Марио говорить внятно. — Нет? Тогда с чего ты это взял?

— Там были другие.

— Пошел ты. — Он выплюнул мороженое и откашлялся. — Всем известно, что у тебя глюки, голоса в голове звучат.

— Не слышу я никаких голосов. — Я и правда ничего не слышал. У меня бывали видения, но так я справлялся с жизнью. Мои видения и мечты являлись только мне. — Марио, а как люди выживают, когда падают самолеты? Этого же тоже не объяснишь.

— Вот ты психопедик. — И он кинул в меня недоеденным мороженым. — Я помню, ты в четвертом классе думал, что сифилис — это Человек Икс. — Марио заржал и удалился.

Но его насмешки меня не задевали. Я уже начал тревожиться о нерожденном ребенке Таины. Я стал копить карманные деньги, пять долларов в неделю, и покупать вещи для еще не рожденного. Я покупал

пинетки, одежду для младенцев, памперсы, детский крем, присыпку, детское масло, салфетки, детский шампунь. Все это я оставлял у двери Таины. А на следующий день обнаруживал свои дары на холодном бетоне рядом с неубранными мусорными мешками.

Однажды, проходя по улице, я увидел в окне ломбарда подержанную колыбель. Чудесную дубовую колыбель с резными ангелочками в изголовье. Колыбель оказалась дороговата, мне не по карману, и я купил лежавшую рядом с ней люльку для новорожденных. Дома я прятал ее от родителей, размышляя, стал ли живот у Таины круглым, как луна. Люльку я, как и прежние дары, тихо поставил перед дверью Таины. Потом позвонил и спрятался на лестнице, как какой-нибудь шутник на Хеллоуин. Дверь открылась, и сердце мое подскочило. Но дверь открыли не Таина или ее мать, а Вехиганте. Высокий старик посмотрел в одну сторону, потом в другую, словно знал, что здесь кто-то прячется. Потом заворчал, будто из ноздрей у него того гляди повалит дым и вырвется пламя. Вехиганте поднял люльку, повертел ее, потер, после чего поставил, откуда взял, и грохнул дверью.

На следующий день я обнаружил люльку на улице, рядом с остатками неубранного мусора и поломанной мебелью.

Я продолжал свои попытки, но ни донья Флорес, ни Таина не открывали мне. Я стучал и прикладывал ухо к двери. Я стучал и иногда вежливо шептал: «Таина?» Или: «Таина, это Хулио, мы вместе ходили на биологию, ты там?» Но никто даже не смотрел на меня в глазок в ответ на мой шепот. Потом я на лифте поднимался к себе на десятый этаж, чувствуя себя пустым, как межзвездное пространство.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

